

или убеждения («веры»)? По этому поводу очень хорошо сказал Ч. С. Пирс. Будучи картезианцем, он не во всем соглашался с Декартом: мы не можем начинать с совершенного сомнения; мы должны начинать, имея все те предрассудки, которые действительно имеются у нас, когда мы беремся за исследование (он писал о философии). И далее: «Эти предрассудки нельзя рассеять предписанием собственной воли, ибо они таковы, что *возможность* сомневаться в них не приходит нам в голову. Изначальный скептицизм поэтому всегда будет просто самообманом, а не реальным сомнением...» [Пирс 2000 : 11].

Таков план выражения общего дискуссионного поля «этнографов» и «антропологов». В плане содержания можно выделить три уровня теоретических споров. Первый уровень — споры между этнографами и антропологами (вариант: между самими этнографами или самими антропологами) по поводу определения границ предметной области: первобытные народы или народы вообще, этнография или антропология, социальная или культурная антропология («общество» или «культура»), биологическое или социальное, фольклор или этнография.³ При решении этих, казалось бы, схоластических вопросов мы выполняем задачу по удержанию «этой» науки в рамках ее идентичности, создавая своего рода координатную сетку. (Вообще можно вспомнить, что схоластика питается скорее эмпиризмом, чем стремлением к теоретическим построениям). Второй уровень — споры о существовании/несуществовании («призрачности») теоретических объектов вроде: «эволюция», «культурный круг», «структура разума», «этнос», «община», «фольклорный мотив» и т. п. Третий уровень — споры о способах решения конкретных задач, например происхождения экзогамии, системы родства типа кроу и омаха или волшебной сказки. Как показывает практика, оценка достоверности полевых этнографических наблюдений, которая сама по себе представляет очень широкое поле для научных дискуссий, во многом зависит от решения теоретических вопросов.

«Наука о народах» и «наука о человеке»

В известном смысле понятие дискуссионного поля совпадает с понятием предмета исследования. Дискуссия — это категория так называемой нормальной науки, когда заданы

стандарты постановки и решения научных задач, зависящие от признания или непризнания общих границ предметной области исследования. Например, если мы считаем себя представителями «науки о народах», мы, вероятно, не можем ставить перед собой те же самые задачи, которые решают ученые, выступающие от имени «науки о человеке».

Еще в 1904 г. Л. Я. Штернберг в статье «Этнография» писал, что хаос названий *данной* дисциплины вызывает хаос в самом понимании предмета [Штернберг 1904 : 181]. Франц Боас в 1908 г. не только констатировал факт случайности интересов («области деятельности») антрополога, но и попытался объяснить это тем, что до развития современной антропологии часть ее предметной области была занята другими науками» [Boas 1908 : 9].

В современной литературе в этом отношении, кажется, мало что изменилось. По словам американского исследователя Р. Борофски, определение антропологии как научной дисциплины является весьма сложной проблемой. Он говорит о «величайшей разнородности» антропологии, широте (надо полагать, необычайной) ее предметной области и концептуальном разнообразии. Как бы в подтверждение им приводятся эпатажные заявления коллег по цеху о том, что антропология является «занятием», когда «никто, включая самих антропологов, не знает точно, что же это такое» (Клиффорд Гиртц), или о том, что она «создала себя из разного рода отходов и остатков других отраслей науки» (К. Леви-Стросс) [Борофски 1995 : 5—6]. Подобный скептицизм находит отклик и в работах современных российских ученых.

На первый взгляд приведенные примеры лишь иллюстрируют естественное состояние любой науки. «Со времени своего возникновения — писал Б. С. Грязнов, — наука постоянно вынуждена решать, казалось бы, тривиальный вопрос: существуют ли объекты, знанием о которых она является, а если существуют, то как они существуют и что собой представляют» [Грязнов 1982 : 13]. В явном или неявном виде эта проблема формулируется работающими учеными только в ситуациях, связанных с кризисными моментами в развитии науки, когда становится невозможным решение конкретных проблем существования (т. е. научных задач в собственном смысле слова). Но происходящее в этнографии / этнологии / антропологии затрагивает более глубоко

кие слои научной культуры, поскольку речь идет не только о существовании объектов исследования; сомнению подвергаются существование самого предмета исследования и его возможные границы.

Сказанное отчасти объясняет несколько высокомерное отношение к социальным наукам, которое сложилось в науковедении (философии науки). Взирая на социальные науки с высоты естественных наук, Имре Лакатос писал о «недоразвитости» первых [Lakatos 1978 : 9]. Томас Кун по этому поводу вспоминал: «...более важно то, что проведя один год в обществе, состоявшем главным образом из специалистов в области социальных наук, я неожиданно столкнулся с проблемой различия между их сообществом и сообществом ученых-естественников, среди которых обучался я сам. В особенности я был поражен количеством и степенью открытых разногласий между социологами по поводу правомерности постановки тех или иных научных проблем и методов их решения. Как история науки, так и личные знакомства заставили меня усомниться в том, что естествоиспытатели могут ответить на подобные вопросы более уверенно и более последовательно, чем их коллеги-социологи. Однако, как бы то ни было, практика научных исследований в области астрономии, физики, химии или биологии обычно не дает никакого повода для того, чтобы оспаривать *самые основы* этих наук, тогда как среди психологов или социологов это встречается сплошь и рядом» (курсив наш. — П. Б.) [Кун 1975 : 10]. И далее: «В значительной степени термин „наука“ как раз предназначен для тех отраслей деятельности человека, пути прогресса которых легко прослеживаются. Нигде это не проявляется более явно, чем в повторяющихся время от времени спорах о том, является ли та или иная современная социальная дисциплина действительно научной. Эти споры имеют параллели в допарадигмальных периодах тех областей, которые сегодня без колебаний наделяются титулом „науки“» [Кун 1975 : 202]. Приведенные высказывания удивительно точно передают современную картину, но это отнюдь не означает, что понятие парадигмального знания совершенно неприменимо к социальным наукам в целом и к этнографии в частности.

В дальнейшем мы сосредоточимся на противоречиях между этнографией и антропологией, по установившейся традиции рассматривая термины «этнография» и «этнология» как

синонимы* [Этнография 1982 : 4—5]. При этом мы будем говорить от лица этнографии, поскольку в известном смысле нашей целью является ответ на вопрос, почему этнографы в отличие от антропологов никогда не заявляли о неоднородности своего предмета исследования, т. е. о *несуществовании* своей науки.

При решении проблемы «этнография и антропология» кажется целесообразным двигаться не от субъекта высказывания к предикату, а от предиката — к субъекту, что означает первичность указания на предмет исследования. Вопрос существования науки — это вопрос истории науки. Абсурдность утверждений, что этнография не имеет собственного предмета, вытекает из длительной истории существования *этой* науки. До сравнительно недавнего времени считалось, что этнография, или этнология, возникла в 30-х гг. XIX в. вместе с появлением в Европе различных обществ и музеев, в наименовании которых содержалось слово «этнографический» или «этнологический». В книге Т. К. Пеннимана «A Hundred Years of Anthropology», вышедшей в свет в 1935 г., рождение антропологии, т. е. «всей науки о человеке», относится к периоду 1835—1859 гг. [Penniman 1965 : 60—92]. Из сходных представлений исходил С. А. Токарев при написании учебника «История зарубежной этнографии» (1978). Между тем в настоящее время можно считать доказанным, что выделение первобытных народов («народов, не имеющих письменной истории») в качестве предмета исследования особой науки под именем «этнографии» произошло в начале 70-х гг. XVIII в. Из исследований последних лет стало известно, что наука, которую мы представляем, письменно впервые была упомянута в 1771 г. как «этнография» с вполне осознанной целью отделения истории народов от истории государств. Это событие было связано с именем Августа Шлёцера. Авторство понятия «этнологии», по-видимому, принадлежит А. Шаваннесу (1787) [Stagl 1974 : 77—81, 84; Бромлей 1988 :

---

* Дискуссия на Совещании этнографов в 1929 г. разворачивалась не столько вокруг противопоставления этнографии и этнологии как различных дисциплин (эмпирической, или описательной, и теоретической), сколько вокруг противостояния двух теорий о соотношении предмета исследования с историей, марксистского и «этнологического понимания истории», которое отождествлялось с культурно-исторической школой Гребенера и Шмидта [Совещание этнографов 1929 : 117].

3—4; Фермойлен 1994 : 102]. К сожалению, даже в самых последних по времени работах по истории западной антропологии приходится сталкиваться с подобным заблуждением. «Особую проблему, — пишет А. А. Никишенков, — составляет соотношение культурной и социальной антропологии с дисциплинами, которые по традиции, укоренившейся в ряде стран, называются этнологией, этнографией, народоведением и др. У всех этих дисциплин общие корни, восходящие ко времени их возникновения в середине—второй половине XIX в.» [Никишенков 2007 : 12]. О подобных случаях можно было бы не упоминать, но при решении рассматриваемой проблемы возраст этнографии (этнологии) как науки имеет определяющее значение, поскольку тезис об «общности корней» этнографии и антропологии позволяет переносить на этнографию вполне объективное суждение о неоднородности предмета исследования того научного течения, которое в США и некоторых странах Западной Европе принято называть антропологией.

Способ выделения из реальности особого предмета исследования в момент первого крещения науки выполняет роль ее начальной парадигмы (образцовой теории). Конечно, появление первой, простейшей, парадигмы не исключает, но подразумевает в дальнейшем возникновение ее модификаций или даже смену новой парадигмой, учитывая, что «новая», т. е. более молодая хронологически, не всегда означает «верная». Борьба между этнографией (этнологией) и антропологией, «наукой о народах» и «наукой о человеке» является борьбой между двумя парадигмами. Фактически, эта борьба идет с конца 60-х гг. XIX в., когда британское «Этнологическое общество» было переименовано в «Антропологическое общество». Все, что происходило в западной, прежде всего англосаксонской, антропологии в течение XX в., есть не что иное, как попытка обосновать преимущество «антропологической» парадигмы над «этнографической». Непонятно только одно: как убежденность антропологов в своем превосходстве согласуется с их откровенно скептическими оценками в отношении целостности («существенности») предмета антропологии?

Географически разделение на этнографов и антропологов во многом совпадает с противостоянием исторически сложившихся двойственных союзов. С одной стороны стоит российско-немецкая научная традиция, восходящая к эпониму «этнография»

(«народоведение») (XVIII в.), с другой — англо-американская школа, ведущая свое начало от первых попыток этнографов / этнологов примерить на себя имя антропологов (XIX в.). С точки зрения метода речь может идти о двух подходах к исследованию: диахроническом, или эволюционном, и синхроническом, или структурном. Французская школа, судя по некоторым высказываниям французских ученых, более противоречива, хотя в целом «континентальное» происхождение делает их все-таки скорее этнологами, чем антропологами [Леви-Строс 1983 : 8—9].

Повторим, сложность ситуации состоит в том, что решая проблему существования этнографии и антропологии, мы не можем использовать их названия в функции указания на определенную науку, поскольку заранее не можем даже знать, имеем ли мы дело с одной наукой, с одним предметом под разными названиями или с двумя. Например, выражение «наука о человеке» можно рассматривать просто как переформулированное выражение «наука об этносах», подразумевая, что человечество — это совокупность этносов (народов). Нельзя исключать и вероятность того, что в конечном счете не имеют точного смысла оба эти выражения.

В сущности фактом для нас является только существование двух высказываний, соответственно двух субъектов, «антропология» и «этнография», и двух предикатов, «наука о человеке» и «наука об этносах». Предикат имеет смысл, т. е. может сообщить что-то конкретное о субъекте высказывания только в том случае, если не является равным ему по содержанию. В данном случае конкретность означает объективную связь между субъектом и предикатом. Любое сообщение является таковым, если только абстрагирует некоторые свойства референта. В нашем же случае предикаты ничем не отличаются от субъектов, следовательно, не говорят о них ничего нового, будучи их этимологией. Типичным примером такого подхода являются слова Ю. В. Бромлея о необходимости исходить из того, что народы как «объекты познания» обозначены в самом наименовании этнографии [Бромлей 1973 : 205]. Примечательно, что даже такая этимологическая, в сущности тавтологическая связь между терминами высказывания отнюдь не является чем-то самим собой разумеющимся. К сожалению или к счастью, термины научного языка не прикреплены намертво к своей этимологии. Адольф Бастиан

подчеркивал этимологию слова «этнология» («учение о народах») и в то же время рассматривал этнологию как всеохватывающую «науку о человеке», составными частями которой являются антропология, психология, статистика, география и т. п. [Цит. по: Бромлей 1988 : 4]. Следовательно, пока мы не наметим хотя бы контурно историю терминов, у нас нет никаких оснований говорить, что утверждения «этнография — это наука о народах» и «антропология — это наука о человеке» не являются высказываниями о несуществующих объектах.

Стоящая перед нами задача — частный случай логико-методологической проблемы критерия «провала» указания. «Утверждения о несуществующих объектах, — пишет В. В. Петров, — всегда вызывали много проблем в истории философии: например, должны ли мы предполагать наличие референтов и какого рода референтов у таких утверждений. Если не должны, то неясно, как же можно что-то сказать о том, чего нет» [В. Петров 1977 : 22]. В нашем случае речь идет о *предположительно* несуществующих объектах.

В целом проблема указания («как можно описать референт») в логике решается двумя исключаящими друг друга способами. Сторонники одного подхода решают ее с помощью представления имени (субъекта высказывания) в виде совокупности дескрипций (предикатов), сторонники другого подхода предлагают способ указания именами, основываясь на понимании имен как «твердых десигнаторов», обозначающих один и тот же объект во всех возможных мирах. Не вдаваясь в подробности, скажем, что сравнительный анализ этих концепций показывает их логическую недостаточность [В. Петров 1977 : 15, 26, 27]. Например, выражение «наука о народах» — это имя или дескрипция?

Выход из создавшейся ситуации видится в сходстве проблемы указания и проблемы понимания. Согласно Карлу Попперу, лучше понять научную теорию значит реконструировать ее историю. А поскольку история науки воплощается в терминах, которыми она на себя указывает, понять науку — это значит реконструировать историю взаимоотношений между этими терминами. Не секрет, что, вводя новые термины для обозначения предмета своего исследования, ученые обычно мало задумываются над процедурой ввода этих терминов, в основном руководствуясь случайными факторами субъектив-

ного характера. На практике сначала появляется некий термин и только затем к уже существующему термину «придумывается» предмет исследования без прослеживания связи с уже существующими обозначениями. Именно таким образом путаница названий вносит хаос в понимании самого предмета этнографии, о чем писал Л. Я. Штернберг (см. выше). В этом плане существование объектов «этнография» и «антропология» определяется историей их переходов из одного возможного мира («контекста») в другой, причем, как оказывается, эти переходы не являются абсолютно произвольными, ибо осуществляются в определенной сфере знания независимо от индивидуального сознания.

Весь драматизм событий 1863 г. в Англии с отделением от «Этнологического общества» части его членов и образованием «Антропологического общества» во главе с Дж. Хантом в конечном счете свелся к присоединению английских этнологов к уже заключенной к тому времени конвенции по поводу иерархии двух терминов. По Дж. Ханту, антропология — «вся наука о человеке», этнология — «наука о нациях и расах» [цит. по: Бромлей 1988 : 6].

Самое раннее упоминание термина «антропология» связано с представлением об анатомии и психологии человека. Это упоминание об антропологии как «трактате о душе и теле человека» мы находим в изданной в Германии в 1501 г. книге, упоминание, которое переходит из работы в работу [Penniman 1965 : 43, 44; Fisher 1983 : 32; Никишенков 2007 : 9]. Вопреки довольно распространенному мнению указанный факт относится не к истории этнографии или антропологии в качестве ее аналога, а к истории философии, или так называемой философской антропологии. Если следовать Кассиреру, начало учению о человеке было положено еще Сократом, который, отказавшись от онтологии, перешел к решению вопроса, *что есть человек*. В этом отношении — в исследовании мира человека — ему следовали и христиане. В частности, христианские мыслители по существу отождествляли онтологическую и антропологическую проблематику.

Таким образом, то обстоятельство, что Шаваннес, впервые употребивший термин «этнология», был *теологом*, видимо, не случаен. Его интересовала проблема постижения логоса мира через логос человека, и вклад его заключается не в том, что он был одним из основателей этнологии как особой

дисциплины, а в том, что в отличие от Шлёдера он связывал это понятие с антропологией как «общей наукой о человеке» и именно в философском смысле (отсюда предпочтение термину «логос» в названии). Напротив, Шлёдер был историком и его интерес концентрировался не на «человеке», а на «народах». Как автор названия дисциплины, он выступал в роли этнографа.

На этом фоне попытка Дж. Ханта реорганизовать этнологические исследования является не чем иным, как вульгаризацией философского понятия антропологии. Это видно из того, что антропология понималась им как некая сумма наук, данные которых — от геологии и физиологии до археологии и филологии — он намеревался привлечь для решения *всех проблем происхождения и развития человечества* [цит. по: Бромлей 1988 : 6]. С одной стороны, определение Дж. Хантом этнологии как «науки о нациях и расах» перекликается с определением этнографии как науки, изучающей «историю народов», с другой — поразительно напоминает определение Ю. В. Бромлеем этнографии как «науки об этносах». Изоморфность этих определений очевидна, если помнить, что в XIX в. понятие нации в науке занимало место понятия этноса. К этому надо также добавить, что, по замечанию самого Ю. В. Бромлея, в XIX в. термин «раса» в англоязычных странах употреблялся в значении, близком к понятию «народ», включая не только физические, но и психические черты [Бромлей 1988 : 4]. Таким образом, при чисто синтаксическом подходе к анализу понятий «наука о нациях и расах» и «наука об этносах» они совпадают между собой. Все это подтверждает старую истину, что движение научной мысли не всегда совпадает с хронологией изложения ее результатов на бумаге.

«Антропологическое общество» в лице Дж. Ханта очень скоро дискредитировало себя заявлениями об эволюционной неравноценности человеческих рас. Безусловно, его научная позиция в этом вопросе, не говоря уже о моральной стороне дела, находится ниже всякой критики. Однако здесь важно понимать, что именно с научной точки зрения его теория является итогом логически последовательного проведения идеи ассимиляции понятий нации и расы, которая (ассимиляция. — П. Б.) хорошо просматривается в его определении этнологии. Подобная ассимиляция связана с подменой понятия антропологических (расовых) различий понятием культурных различий и не-

избежно влечет за собой вывод о неравноценности людей по расовым признакам независимо от того, о каких группах идет речь по существующей классификации в физической (биологической) антропологии. Ю. В. Бромлей заметил, что на страницах первого тома журнала Антропологического института (1872), возникшего уже после смерти Дж. Ханта в результате объединения «Антропологического общества» и «Этнологического общества», термин «раса» употреблялся в значении, близком к понятию народа как единства физических и культурно-психологических признаков [Бромлей 1988 : 4]. Весьма любопытно, что даже в 30-х гг. XX в. подобные взгляды были вполне обыденным (на уровне учебника) явлением в британской науке. Ссылаясь на традиции Оксфордского университета и некоторых других образовательных учреждений Англии, Пенниман определял этнологию как часть антропологии, изучающую посредством сравнительного метода «физические характеристики, материальную и социальную культуру человеческих рас» [Penniman 1935 : 15, 16].

Английская этнология при переименовании в антропологию унаследовала главную идею Дж. Ханта — идею создания некой сверхнауки о человеке, которая становится возможной только при условии интерпретации культуры и психологии в терминах расовой идентичности, ибо только при таком допущении мы можем говорить об однородности предмета исследования антропологии, а следовательно, о самом ее существовании как науки. В сущности история американской культурной антропологии является историей развития этой идеи. Все дело лишь в словоупотреблении. Можно говорить о различиях в культуре как о расовых различиях, не используя само понятие расы. Достаточно где-нибудь на первой странице сказать, что «наука антропология имеет дело с биологией и с психическими проявлениями человеческой жизни, такими, какими мы видим их, наблюдая представителей различных рас и различных обществ» [Boas 1910 : 1]. С этой точки зрения Ю. В. Бромлей совершенно правильно писал, что образование Антропологического института в 1871 г. положило начало «великому расколу» в этнографии [Бромлей 1988 : 6]. Это была не просто смена названия; в науке, до того момента существовавшей под именем этнологии, произошли глубокие внутренние изменения. Причем все основные положения Дж. Ханта, связанные как с пониманием предмета исследования, так и задач антропологии, по

крайней мере в американской культурной антропологии сохранились с неукоснительной точностью.

Ю. В. Бромлей под «расколом» имел в виду прежде всего «поглощение» в англоязычных странах этнологии (этнографии) антропологией [Бромлей 1988 : 6]. Это то, на что указывал Пенниман, говоря, что на «континенте» (надо понимать, во Франции, Германии) слово «антропология» предпочитают резервировать для обозначения физической антропологии, а культурную антропологию именуют «этнологией» [Penniman 1935 : 15]. В данный момент для нас актуально другое: дать более точное понятие «великого раскола». По нашему мнению, это раскол между «наукой о народах» и «наукой о человеке». Борьба двух тенденций, процесс бесконечного слияния / разграничения «науки о народах» и «науки о человеке» был и остается определяющей чертой в развитии тех отраслей, точнее сообществ ученых, которые именуют себя этнографами (этнологами) и (социальными и/или культурными) антропологами. В какой-то мере различие в представлениях о предмете исследования оказывает влияние на процесс самого исследования. Если англосаксонская (антропологическая) школа делает акцент на синхроническом подходе, то немецко-российская (этнологическая) школа — на диахроническом подходе. Хотя по большому счету это разделение опять-таки носит условный характер. Комплексный подход, которому в советской этнографии всегда уделялось столь пристальное внимание, есть своеобразное проявление структурного, синхронического подхода.

Самое удивительное заключается в том, что, несмотря на название, британская социальная антропология оказывается гораздо ближе континентальной школе, чем американской культурной антропологии. В этом отношении особенно показательна позиция составителей «Handbook to Ethnographical collections (British Museum)», изданного в Лондоне в 1910 г. В предисловии антропология рассматривается как «общая наука о человеке», которая делится на этнографию («описание нравов и обычаев отдельных народов») и физическую антропологию («классификацию человеческих рас») [Handbook 1910 : 10, 11]. Такое определение этнографии идентично классическому определению С. А. Токарева: «Этнография — это наука, изучающая народы, их быт и культуру» [Токарев 1968 : 5]. Это лишний раз доказывает, что контекст говорит больше, чем текст.